

В. А. КОНЕВ,

заведующий кафедрой философии гуманитарных факультетов Самарского университета,
доктор философских наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ

СМЕНА ОРИЕНТАЦИИ СОВРЕМЕННОГО ОБРАЗОВАНИЯ: ОТ «ЧТО ЕСТЬ ИСТИНА?» ДО «ЧТО ЕСТЬ КУЛЬТУРА?»

Современная европейская система образования, сформированная на принципах эпохи Просвещения, вырастает в рамках господства философии *cogito*, утверждающей в культуре приоритет разума и научной истины. Согласно просветителям, только разум и истина могут быть основанием правильного человеческого действия, а потому обучение истине и правилам ее разумения должно быть целью всякого образования и воспитания. Этому было подчинено строение педагогического пространства (классно-урочная система) и вся методика преподавания (основанная на логике предмета и психологии восприятия).

Сама же установка философии и науки на истину и логику ее постижения имеет почтенную историю. Когда Христос на допросе у Понтия Пилата заявил: «Я на то родился и пришел в мир, чтобы свидетельствовать об истине», то услышал в ответ: «А что есть истина?» Под знаком этого вопроса и родилась европейская философия. Под этим знаком она развивается вот уже более двух с половиной тысячелетий. Ответы на этот вопрос определяли и продолжают определять жизнь европейского человека. Знать истину — это устремление разумного человека, главный смысл его жизни. Мотто всей истории европейской философии: «Платон мне друг, но истина дороже!» За этой фразой — Архимед, чертящий на песке свои чертежи, когда вокруг идет сражение; Джордано Бруно, идущий на костер; Фауст, ищущий истину; врачи, испытывающие на себе новые препараты и множество других подвижников науки. Но всегда ли благородна эта преданность истине? Не этой ли преданностью истине руководствовались во все времена добровольные доносчики — в инквизицию, в Конвент, в ГПУ — НКВД — КГБ. Может быть, стоит подумать о весе и значимости дружбы и истины для человека? Во всяком случае, в начале XXI века выбор между истиной и ценностями жизни не кажется столь однозначным и очевидным.

Истина всегда трактовалась и как вечное, не нуждающееся ни в чем другом бытие, и как знание этого бытия. Философы величали это подлинное бытие по-разному — Идеи, Атомы, Бог, Абсолютная идея, Материя, Природа, но всегда с большой буквы, ибо это собственное имя бытия и истины. Но если Истинное Бытие — это Нечто с большой бук-

вы, тогда мое, твое, его бытие, наша жизнь — не подлинное бытие, а что-то жалкое и недостойное. Эту жизнь можно бранить, проклинать, принижать, ею можно пренебрегать, ее можно третировать. Жизнь, которой жил и живет человек, действительная, проходящая в постоянной заботе о достижении тех целей, которые ставятся перед ним внешними нуждами, и состоящая из множества случайных и преходящих событий, объявляется философией ничтожной и недостойной «здорового духа», по гегелевскому выражению.

Последствия противопоставления истины и повседневной жизни мы непосредственно ощущаем. Когда новоевропейская культура провозгласила устами Просвещения пришествие царства разума, торжество истины и науки, то наука, действительно, преобразила всю европейскую цивилизацию, весь уклад жизни на планете. Но царство научной истины оказалось не царством благополучия, а местом экологических бедствий, атомной угрозы, отчуждения людей друг от друга, превращением человека в машину или придаток машины — конвейера, автомобиля, государственного механизма и т. д. Наука — жрица истины, она постигает «подлинный», «истинный» мир, который существует вне человека, независимо от человека и без человека. Это истинное объективное знание о «вне», «независимо» и «без» рождает технику, индустрию, техническую цивилизацию, которая, хотя и создана для человека, но не считается с ним, не дает ему жизнь нормально, в буквальном смысле слова душиет его, давит его, губит его тело и совершенно не учитывает человека как живую индивидуальность.

На вопрос «Что есть истина?» наука отвечает — это вечные и без-человека-существующие (бес-человечные!) законы. Это не тот мир, в котором мы живем, а абстракция этого мира, которая конструируется научным мышлением. Не удивительно, что технический мир современной повседневности, в котором мы живем, абстрагируется от человека. Но этот мир — единственный, с которым имеет дело человек. И если мы хотим знать подлинный мир, то надо знать этот мир, который перед нами здесь и сейчас.

Это мир нашей жизни. Истина этого мира совпадает с ним самим. Ведь истина этого стола, этой чашки не в том, что это «стол» или это «чашка», хотя и это подведение под аб-

страктное понятие важно, но в том, что этот стол такой, какой есть, каким стал, что с ним связана моя жизнь, что я вижу по каким-то отметинам на нем свое прошлое. И эта чашка тоже имеет свою судьбу, каких нет у других, у «чашки» как у понятия. Поэтому истина этого мира в том, что он такой, какой есть. Тогда вместо пилатовского «Что есть истина?» должно прозвучать «Что есть мир твой?» Мир, пережитый мною, и мир, прожитый мною, — мир, не отвлеченный от человека (и от меня), не дикий, природный, а мир освоенный, очеловеченный. Такой мир уже давно получил название культурного.

Так вместо «Что есть истина?» встает вопрос «Что есть культура?» Ответ на него столь же прост, сколь и сложен, ибо мы знаем, о чем спрашиваем, но не знаем, что ответить. А современная история, как никакая другая, нуждается в ответе на этот вопрос. Действительно, разве не кажется странным, что нация великой культуры, великих философов, поэтов, писателей, композиторов, нация, давшая мировой культуре такие шедевры, как «Фауст», «Критика чистого разума», «Героическая симфония» и многие другие, создала Освенцим, Бухенвальд, Майданек. Так что же такое культура? И разве в словах одного рьяного поборника Освенцима «когда я слышу слово “культура”», рука моя тянется к револьверу» не слышится именно этот вопрос как прямая параллель словам римского прокуратора в Палестине? А ГУЛАГ? Лагерь возникли в стране, которая дала миру Достоевского и Толстого. Так что же такое культура?

Прав был Теодор Адорно, который писал, что после Освенцима (добавим: и после ГУЛАГа) нельзя мыслить и жить так, как до него. «Тот, кто громко ратует за сохранение этой во всем виновной и жалкой культуры, превращается в ее пособника, но тот, кто отказывается от нее, прямо способствует варварству, которым эта культура и оказалась», — пишет Т. Адорно¹.

Эта парадоксальная антиномия европейской культуры рождена ее первородным грехом — забвением жизни ради высокой истины. А «после Освенцима нет такого слова, даже теологического, которое бы могло постоянно звучать с высоты»². Эта антиномия усугубилась разделением мира *cogito* и мира вещей, мира природы и культуры, которое породило новейшую европейскую культуру.

Как выйти из этого парадокса? Нужно понять не просто природу этой европейской культуры, но природу культуры вообще. Ибо не истина бытия, а бытие истины определяет человека. Кончилась эра истины³, которая началась жизненным подвигом Сократа, а завершилась тупиками технических проектов преобразования общества на основе Истины. Начинается эра культуры, эра культурного мышления. И как «пилатовский» вопрос дал пищу для двухтысячелетнего развития философии, науки и европейской цивилизации, так вопрос нашего времени «что такое культура?» начинает питать новое развитие человеческого духа. Именно ответ на этот вопрос способен разрешить те противоречия, с которыми столкнулась культура модерна.

Динамичное индустриальное развитие XIX века привело к становлению новой предметной реальности в XX столетии. Глобальная предметная среда требует от человека нового отношения. С ней уже нельзя обращаться так, как человек обращался с той второй природой, когда он создавал ее, постепенно вводя в ее систему новые предметы. Современный предметный мир не дает времени для естественной гармонизации всех своих составляющих. Необходимо сразу проектировать предметную среду, а не отдельный предмет или даже ряд предметов. Современный инженер, конструктор предметов, не может быть проектировщиком этого предмета, или этой машины, он должен создать целостную среду. Поэтому он не может мыслить партикулярно, как «узкий» специалист, он должен мыслить глобально и быть инженером как таковым. Но инженер-специалист вырастает на базе определенной технической науки и того типа мышления, который вышел из естественных наук и взрастил техническую рациональность. А на какой базе вырастет инженер как таковой? Этой базой должно стать знание о законах жизни предметного мира как единого и как специфическо-

³ Конечно, конец эры истины не означает, что истина отбрасывается культурой и наукой. Она продолжает сохранять все свое значение для познания и практики, но теперь не она «правит бал» в культуре, а ценностное восприятие жизни и мира, которое связано с истиной, но не так, как научное восприятие жизни. Истина, правда ценности, требует от человека поступка, утверждения. Ее истинность не в том, что она соответствует некоей объективной ценности, а в том, что она отвечает утверждаемой человеком действительности, которая объективно ратифицирует подлинную жизнь самого человека.

¹ Adorno T. *Dialektika negatywna*. PWN, Warszawa, 1986. S. 515.

² Там же. S. 516.

го бытия. Законы этого бытия — законы культурного мира, отличного от природы, но и неразрывно связанного с ним. Предметный мир, рожденный человеком, это мир, объединяющий человека и природу, мир, разрушающий декартовский дуализм. Но законы этого мира мало известны, во всяком случае, они не стали предметом изучения инженера. Для современного инженера требуется системное мышление, требуется мышление экологически безопасное, мышление аксиологически ориентированное. Системное же мышление и мышление экологическое, которое изначально, самой логикой своего рассуждения ориентировано на такое изменение среды обитания и такое проектирование «второй» природы, которое не будет противоречить первой природе и интересам человека, не может возникнуть на путях изучения существующих технических наук и на базе законов естествознания. Оно может возникнуть только на путях изучения законов и принципов жизни культурного бытия. Вот почему особенно значимо становится изучение культуры.

Двадцатое столетие характеризуется и становлением новой социальной реальности, которая также непонятна без знания культуры. Эта новая реальность поставила человека в абсолютно необычную и ранее неизвестную ему нравственную ситуацию. Обычно все моральные ценности и нормы получали свое подтверждение и содержание в непосредственном контакте одного человека с другим, моральный горизонт человека совпадал с границами результатов его поступков, он видел последствия своего морального деяния, и это становилось основой его нравственного развития. Он страдал или радовался вместе с теми, кто оказывался в зоне его морального действия. Его совесть (со-ведение, совместное знание) говорила ему голосом другого, которого он знал. А человек нашего времени может совершать такие поступки, последствия которых ему либо будут неизвестны, либо он их непосредственно не воспринимает. Как быть в этом случае с нравственной ответственностью, если не нарушен никакой закон и человек не несет юридической ответственности? Как поставить «виновника» нравственного проступка, который себя совсем так не чувствует, перед судом совести?

Современный немецкий философ Карл Апель говорит о необходимости разработки принципов этической рациональности, на которых должна быть основана коммуникативная общность, где все члены одним и тем же способом объясняют и понимают слож-

ные, «многоходовые» ситуации¹. Об этом говорят этики, различающие два типа морали — этику добродетелей и институциональную этику². В прошлые века только мудрецы прозревали необходимость расширения горизонта нравственной ответственности человека до пределов всего человечества, сейчас же это потребность нравственного сознания каждого человека. Идея нравственного сознания, выстраданная человечеством, — «люби ближнего как самого себя», несмотря на всю свою значимость, явно требует дополнения в направлении изменения ориентации нравственного сознания. Мы живем в мире, где любить надо также и дальнего, причем не как себя, а как его, со всеми его особенностями, которые могут быть совершенно непохожи на наши. Если Кант, формулируя требование нравственного закона, исходит от первого лица — «Я»: «Действуй так, чтобы максима твоей воли, стала всеобщим законодательством», то можно сказать, что современная нравственная ситуация настойчиво требует, чтобы нравственный закон исходил (или, по крайней мере, на равных учитывал) от второго лица — «Ты»: «Действуй так, чтобы максима его воли стала для тебя законодательством».

И мы снова видим необходимость исследования культурного бытия человека как бытия нравственного, без чего будет трудно, а то и невозможно, разрешить многие проблемы нашей жизни.

Наконец, изменилась и сама культурная реальность, с которой имеет дело человек XX столетия. Культура не просто предоставляет сейчас человеку какую-либо информацию, требует от человека не просто осмысления и правильного восприятия своего содержания, но и умения работы с самой информацией. Информационная революция в XX веке не только породила новые информационные технологии, но вызвала быстрый рост информации как в количественном — рост ее объема, так и в качественном отношении — возникновение новых смыслов, новых ценностей, видов искусства, жанров, наук, отраслей знаний и т. п. Общение с культурой становится эффективным только при условии видения и знания самих принципов жизни, смыслов и значений культуры, способов организации культурного про-

¹ См.: *Apel K. O. Die «Erklären: Verstehen» — Kontroverse in transzendental-pragmatischen Sieht. Frankfurt/Main, 1979.*

² См.: *Гусейнов А. А. Мораль и цивилизация // Первый Российский философский конгресс. Т. VI: Философия культуры. СПб., 1997. С. 252–254.*

странства и свободного движения в этом пространстве.

Отмеченные особенности культурного развития современности показывают, что, столкнувшись с целостностью мира как фактом своей реальной жизни, человек, ориентированный на познание абстрактной истины, оказался не в состоянии осмыслить эту целостность и действовать в ней как целостности, что и приводит к тупикам культурного развития, к кризисным ситуациям, выражающим отчужденность (а часто прямую чуждость) результатов человеческой деятельности от самого человека и его наме-

рений. Еще раз подтвердилась древняя мудрость: «Благими намерениями вымощена дорога в ад».

Но чтобы выбрать правильную дорогу, современный человек должен увидеть мир с позиции ценностной, постигнуть бытие и природы, и свое как значимое, за которое он несет ответственность. Таковым и выступает культурное бытие, логика коего становится определяющей логикой понимания и действия современного человека. На постижение этой логики и должно быть ориентировано современное знание и образование.